

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 4

1971

ЛЕСЯ УКРАИНКА

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 4

ЛЕСЯ УКРАИНКА

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСЕН

Перевод с украинского

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1971

ЛЕСЯ УКРАИНКА

(1871—1913)

Маленький сборник стихов «На крыльях песен» появился во Львове в 1893 году. 22-летняя Лариса Петровна Косач, избравшая псевдоним *Леся Украинка*, уже этой первой книжкой привлекла к себе внимание свежестью и непосредственностью таланта. Выдающийся ее старший современник, писатель-революционер Иван Франко писал о Лесе Украинке, что со времен Шевченко «Украина не слыхала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабой, больной девушки».

С детства страдающая тяжелым недугом — костным туберкулезом, вынужденная месяцами лежать в постели или жить вдалеке от родины в теплом южном климате, *Леся Украинка* была олицетворением жизнелюбия и воли к борьбе. В интимной лирике поэтессы, дышащей обаянием женственности, и в ее гражданских стихах звучит единая идея преданности своему народу.

В сумеречное время царского самодержавия она призывала к революционному действию, жаждала, чтобы ее слово превратилось в боевую сталь, разящую врагов, внушала уверенность в победе грядущей революции. Политические стихи *Леси Украинки* печатались в подпольных прокламациях и распространялись на фабриках и заводах. Едва восходила заря рабочего движения, как поэтесса создала стихотворение «Предрассветные огни», где предсказала пробуждение рабочего класса. Несмотря на позволение силы этой болезненной, слабой девушки, обладавшей неукротимым духом, она поддерживала связь с киевскими марксистскими кружками, была в дружбе с одним из первых русских марксистов, С. К. Мержинским, и другими революционерами.

Глубоко национальная по духу, влюбленная в родную природу и народное украинское творчество, *Леся Украинка* вместе с тем была подлинной интернационалисткой, верившей в сотрудничество пролетариев всех стран (стихотворение «Дым»).

Большевистская газета «Рабочая правда» писала в некрологе: «*Леся Украинка* умерла, но ее бодрые произведения долго будут будить нас к работе — борьбе. Добрая вечная память писательнице — другу рабочих!»

Этот сборник, условно названный по первой книжке «На крыльях песен», выходит к столетию со дня рождения великой украинской поэтессы и содержит ее лирику разных лет.

Александр ДЕЙЧ

МОЙ ПУТЬ

Я вышла в путь свой раннею весною
И робко песню тихую запела,
И кто встречался на пути со мною —
Тех сердцем я приветствовала смело:
Пути мы в одиночку не найдем,
Вернее путь, коль вместе мы пойдем!

Ох, долог этот путь и очень труден,
Трудней всего для тех, кто одинокий!
Но этот путь тяжелый не безлюден,
И не одна иду я в свет широкий.
Одной недолго сбиться мне с пути,
А вместе будет нам верней идти!

Иду вперед и песни я слагаю;
В них не ищите мудрых прорицаний —
Я громким голосом не обладаю!
Но если звуки слышу я рыданий,
Я молвлю: «Брат мой, плачу я с тобой!»,
С рыданьями сливаю голос мой.

От разделенных мук не так ведь больно...
Когда ж в дороге долгой мне придется
Напев услышать радостный и вольный,—
Моя душа, как эхо, отзовется.
Тогда тоской, от всех ее тая,
Не отправлю свободной песни я.

Коль взор я поднимаю к небосводу,
Светил там новых не ищу, тоскуя;
Увидеть братство, равенство, свободу
Сквозь пелену тяжелых туч хочу я —
Те золотые три звезды, чей свет
Сияет людям много тысяч лет...

Когда кому-нибудь блеснут те звезды в очи
И он их встретит гимном вольным, шумным,—
Пусть мне ничто не светит в мраке ночи,—
Не назову певца того безумным,
Затем, что ясный, светлый луч подчас
Дорожной пылью скрыт от наших глаз..

И тернии ли встречу я в пути,
Или цветок увижу я душистый,
Удастся ли до цели мне дойти
Иль раньше оборвется путь тернистый,—
Хочу закончить путь — одно в мечтах,—
Как начинала: с песней на устах!

22 мая 1890

CONTRA SPEM SPERO!¹

Прочь, осенние думы седые!
Нынче время весны золотой.
Неужели года молодые
Беспросветной пройдут чередой?

Нет, я петь и в слезах не устану,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться стану,
Жить хочу! Прочь, печальные, прочь!

Я цветы на морозе посею,
В грустном поле, в убогом краю,
Те цветы я горючей своею
И горячей слезой окроплю.

И тогда, может, снега не станет,
Ледяная растает броня,
И цветы зацветут, и настанет
День весны, озарит и меня.

На кремнистую гору крутую
Буду камень тяжелый нести,
Но, терпя даже муку такую,
Буду с песней веселой идти.

¹ Без надежды надеюсь! (п а т.)

Непроглядной ночью порою
Не позволю глазам отдыхать,—
Я звезду за туманом и мглою
Путеводную буду искать.

В темноте и глухой и унылой
Не позволю я сердцу заснуть,
Хоть бы тяжко мне на сердце было,
Хоть бы смерть налегла мне на грудь.

Смерть наляжет на грудь тяжелее,
Свет суровая мгла заслонит.
Ну, а сердце забьется сильнее,—
Может, лютую смерть победит.

Да! И в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, печальные, прочь!

2 мая 1890

* * *

— A quoi penses tu?

— A l'avenir.

V. Hugo. «93»¹

Когда я утомлюсь привычной жизнью,
Привычным горем, что вокруг я вижу,—
Тогда я мыслью улетаю в дали,
В стране мечты мои блуждают взоры.
Что ж вижу я в далеком этом мире?
Я будущее вижу, век грядущий.
Мне представляется: в кругу семейном
Старик своим внучатам в поученье
Правдивые рассказывает сказки
О том, что было некогда на свете.
Семья любовно деда окружила,
Тут сыновья, и дочери, и внуки;
Одни ему торжественно внимают,
Другие наяву о чем-то грезят,

¹ — О чем ты думаешь?

— О будущем.

В. Гюго «93-й год» (франц.).

А самый младший внук сел возле деда
И взора пылкого с него не сводит,
Следя за каждым словом и движеньем.
Дед произносит медленно и важно:
«Как счастливы, что родились вы, дети,
В спокойное и радостное время.
Внимаете вы, словно страшной сказке,
Рассказу моему о диком прошлом.
Да, дети, мир наш, вольный и счастливый,
Темницею казался прежним людям;
И впрямь был этот мир тогда тюрьмою;
Народ ходил в упряжке у народа,
В цепях свободное томилось слово.
Полчеловечества людьми не звали,
Кровавою войной шел брат на брата.
Войной — вам неизвестно это слово? —
Тогда братоубийство называли
Во имя правды, воли, веры, власти;
Кровопролитие звалось геройством;
Гражданским долгом звали равнодушьем,
Патриотизмом — злобу к чужеземцам,
И набожностью — ярый фанатизм,
Там смерть голодная звалася нищетою,
Все, что награблено, — богатством звали,
Любовью к людям — барскую забаву;
Тьму без просвета звали простодушьем,
Ученостью — неверное блужданье,
Безудержное мщенье — правосудьем,
Насилье деспотическое — правом.
Надменным, чванным честь была и слава,
Обиженным, униженным — презренье.
Погиб бы, верно, род людской несчастный,
Когда б угасла маленькая искра
Любви и братства, что и в эту пору
В сердцах у некоторых пламенела.
Она не угасала, эта искра,
И возгорелась пламенем могучим,
И осветила темень черной ночи, —
Власть света воцарилась в нашем мире!..
Все это старые поведали мне люди,
Я ж сам не знал такого лихолетья», —
Так говорил старик; и самый младший
Из всех внучат глядел светло и ясно,
Уста улыбкой нежной трепетали,
Глаза горели жаждой идеала.

И дед заметил и спросил у внука:
«Куда, скажи, дитя мое, ты смотришь
И что в далеком видишь ты просторе?»
«Ты страшные рассказывал нам сказки,
И рад я, что не видел лихолетья;
Но я страну в просторе дальнем вижу,
Горящую, как светоч идеала,
Как светоч вечной правды... Дед мой милый!
У нас на свете нет такого рая!
Ты спрашиваешь: что вдали я вижу?
Я будущее вижу, век грядущий!»

10 июля 1890

СЛЕЗЫ-ПЕРЛЫ

Посвящается Ивану Франко

I

О милая родина! Край мой желанный!
Зачем все умолкло в тебе, онемело?
Лишь пташка в лесу отзовется несмело,
Предчувствуя бури порыв ураганный,
И снова умолкнет. Как глухо, как тихо!
Ой, лихо!

Ой, где же ты, воля? Звездой неприметной
Зачем не сойдешь ты с дороги воздушной?
Порадовать землю несчастную нужно!
Ты видишь: все скрыто здесь тьмой беспросветной
И правда бессильна с неправдою в споре.
Ой, горе!

О бедный народ мой! Страдая невинно,
В цепях мои братья почти бездыханны.
Увы, незажившие страшные раны
Горят на груди у тебя, Украина!
Кто тяжкое иго разбить нам поможет?
Ой, боже!

Когда ж это минет? Иль счастья не стало?
Проклятье рукам, онемевшим в бессилье!

Зачем и родиться, чтоб жить, как в могиле?
Уж лучше б смертельною мглою застлало
Печальные очи, чем жить нам в позоре!
Ой, горе!

II

В слезах я стою пред тобой, Украина...
О горе мое! Для чего эта мука?
Чем может помочь тебе тяжкая эта кручина?
Она — небольшая услуга!

Да разве такой я желала б работы?
Мирилась бы разве с твоими цепями?
Достаточно в сердце отваги, немало охоты...
Да скована я кандалами!

Ой, слезы, они мне всю душу спалили,
Следы огневые оставили с детства,
Те горькие жалобы сердце мое сокрушили!
И нет от страдания средства.

А мало ль нас плачет такими слезами?
Как можем мы, дети, утешиться снова,
Коль мать и в нужде и в неволе горюет над нами?
Где ж тут раздобыть нам веселое слово?

И снова тяжелые эти рыданья
В груди у меня закипают.
Ужели не кончатся горькие эти страданья,
Что бедное сердце терзают?

Молва говорит о слезах материнских,
Что будто камня они прожигают:
Неужто кровавые слезы детей украинских
Бесследно, упав, исчезают?

III

Все наши слезы мукой огневою
Падут на сердце — сердце запыхает...
Пускай пылает, не дает покоя,
Пока душа себя преодолагает.

Когда ж не хватит силы, если мука
Ударит в сердце бешеным ударом,
Тогда душа воспрянет от недуга
И ото сна пробудится недаром.

Она разметет все свои преграды,
Она заснуть, как прежде, не сумеет,
Она бороться будет без пощады,
Она погибнет или одолеет.

Победа или славная могила —
Одно из двух перед душой предстанет...
Какой бы путь нам жизнь ни присудила —
Восстанем мы, когда душа восстанет.

Так будем плакать, братья! Знать, бесчестье
Еще душа, томясь, преодолагает:
Пусть сердце рвется, требуя возмездья,
Пусть не дает покоя, пусть пылает!

1891

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ОГНИ

Глубокая ночь изнемогших в бессилье
Под черные спрятала крылья.
Повсюду погасли огни;
Все спят в этой черной тени,
Всех властная ночь покорила.

Кто спит, кто не спит — покорись темной силе!
Блажен, кого сны посетили!
Тем снам не витать надо мной...
Вокруг все окутано тьмой,
Вокруг все молчит, как в могиле.

Дурные виденья мне душу терзали,
Казалось — не встать от печали...
Вдруг, ясным сияньем маня,
Лучи разбудили меня,—
Огни вдалеке заблестали!

Огни предрассветные, солнце пророча,
Прорезали тьму этой ночи.
Еще не вставала заря —
Они уже блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

Вставайте, живые, в ком дума восстала!
Пора для работы настала!
Гони предрассветную сонь,
Зажги предрассветный огонь,
Покуда заря не выиграла.

1892

* * *

Я песнею стать бы хотела
В тот миг, что сияет светло,
Чтоб вольная песня взлетела,
Чтоб эхо ее разнесло.

Под самые звезды бы взвиться
Напевам звенящим моим,
На волны бы им опуститься
И слиться с простором морским.

Пускай бы звенели мечтанья
И счастья заветного сны —
Яснее, чем звезд трепетанье,
Звучнее, чем рокот волны.

1893—1894

* * *

В ненастную тучу кручина моя собралась.
Огнями-зарницами грусть моя в ней разгулялась,
Ударила молнией в сердце,
И крупным дождем полились мои слезы.
Промчалась та непогодь-буря грозой надо мною,
Но все ж не сломила меня и к земле не пригнула.
Я гордо чело подняла.
И взором, омытым слезами, теперь я взглянула яснее,
И в сердце моем зазвучали победные песни.
Весенняя сила в душе заиграла,
Ее не сломили морозы суровой зимы,

Ее не пригнуло туманом тяжелым к земле,
Ее не разбила весны перелетная буря.
Пускай собираются новые грозные тучи,
Пускай угрожают мне огненным, острым оружием,—
Я выйду одна против бури
И встану — померяем силу!

1893—1894

* * *

И все-таки к тебе лишь мысль стремится,
Край горемычный, сторона родная!
Тебя лишь вспоминая,
От скорби сердце ноет и томится.

Мои глаза видали лишь насилье
И горе, но такого не видали,
Они б над ним рыдали,
Да стыдно слез, что льются от бессилья.

Моя земля их много проливала —
В них вся страна могла бы захлебнуться.
Довольно! Пусть не льются,—
Что слезы там, где даже крови мало?!

1895

ТОВАРИЩАМ

Как позабыть в далекой стороне
Дом неродной, что ближе был родного,
Где часто приходилось слышать мне
Всей правды обжигающее слово.

Суровые вопросы там впервые
Передо мной вставали без прикрас;
Там говорили мне борцы передовые:
«Довольно нам, надеемся на вас,

Приходит ваш черед — безвестной молодежи...
Да только кто вы, где? Скорей ответьте нам!
Ужели голоса, что так на плач похожи,
Принадлежат не слабым детям — вам?

Вы, может быть, на вызовы событий
На все хотите дать один ответ,—

Стонать, и плакать, и мечтать хотите,
А сил у вас для твердых действий нет?
Быть может, так?..» Упреки принимая,
Как у позорного столба, тогда
Стояла я, безмолвная, немая,
Не зная, что ответить от стыда...
Зачем молчите вы? Довольны ли собою,
И горькие слова не будят вас, не жгут?
Или раздавлены унылою судьбою?
Или пути иные вас влекут?
Утешьте стариков. Пускай укажет дело,
Что можем мы идти их боевым путем.
А если нет, тогда не бойтесь прямо, смело
Сказать седым бойцам: «Не ждите, не придем».

1895, София

ДРУГУ НА ПАМЯТЬ

Кто знает, милый друг, как скоро доведется
К беседам нашим возвратиться нам,
Пока от них еще так сердце бьется,
Я мысли грустные спешу доверить вам.

Припомнить прошлое — так иногда бывает —
Вы пожелаете когда-нибудь.
Ваш взгляд рассеянный мои стихи узнает,
И прихоть вам придет в них заглянуть.

Вы лето вспомните, и сад, и звезд паденье,
Высокое крыльцо, ночной наш разговор,
И наше пение, а в заключение
Отрывистый, горячий, пылкий спор.

Признаться, не боюсь, что вспомнить вам случится
Жесточкой ненависти ярый пыл.
Что ж! — ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил!

Когда вы вспомните, какие муки
Борцам за правду принесли враги,—
Так у кого же не сожмутся руки
От жажды мщенья в кулаки?

Нет, одного боюсь,— смирится, к сожаленью,
Душа невольничья, и мстить не станет раб.
Когда б не угасала воля к мщенью,
Тогда счастливей жизнь у нас была б!

Голубки кротость, взор лучистый, ясный,
Патриция покой к лицу ли крепостным?
Бар вразумить не сможет раб несчастный
Словами — красноречием своим.

Так, мы — рабы, рабов печальней нету!
Феллахи, пари кудачастливей нас,—
В них разум не развит, их мысль не рвется к свету,
А в нас огонь титана не погас.

Мы — парализованные с горящими глазами,
Наш дух могуч, но плотью мы слабы,
Хоть крылья гордые за нашими плечами,
Но мы к земле прижаты, как рабы.

Мы собственного не имеем дома,
У нас открыто все тюремным сторожам;
И нам, оборванным и жалким, незнакома
Святая заповедь: «Мой дом — мой храм!»

У нас наука — клад, но он зарыт глубоко,
Дар — крепостной актер в театре у господ,
Смеется, шутит раб, душой скорбя жестоко,
Чтоб барский гнев смягчить, поклоны бьет.

Религия у нас известна темной славой:
Невежество и гнев жрецов Египта в ней.
Устав тюремный — вот с чем схоже наше право,
Связь родственная — нитки не прочней.

Народ наш, как дитя слепое от рожденья,
И солнца никогда он не видал,
Он для врага в огонь готов без рассужденье,
Своих вождей он палачам отдал.

Отвага наша — меч, он залит кровью,
Давно заржавевший, бряцает в ножнах он.
Так кем же увлекаемым любовью
Он может быть достойно обнажен?

Мы носим имена невольников продажных,
Не знающих стыда — пускай и так! —
Но так ли назовешь воителей отважных,
Которых собирал в свои войска Спартак?..

Позорно мучиться и гибнуть молчаливо,
Когда в руках у нас, хоть ржавый — все же меч,
Нет, лучше уж врагу отпор дать горделиво,
Да так, чтоб голова слетела с плеч!

17 июля 1896

* * *

Слово, зачем ты не сталь боевая,
Что среди боя горит, как живая,
Или не острый, безжалостный меч,
Тот, что сечет вражьи головы с плеч?

Ты — мой клинок, закаленное слово,
Я тебя вынуть из ножен готова.
Только ты кровь мне из сердца прольешь,
Вражьего ж сердца клинком не пробьешь!

Выточу, выострю меч для сраженья,
Не пожалею ни сил, ни уменя.
Будет сверкать на стене эта сталь
Вам на забаву, а мне на печаль.

Слово, оружие, готовое к бою,
Мы не погибнем напрасно с тобою!
Может, в руках неизвестных друзей
Станешь мечом ты для их палачей.

Звякнет клинок и о цепи ударит,
Эхо к твердыням тиранов направит,
Встретит бряцание братских мечей,
Звуки иных, не тюремных речей.

Мстители сильные вместе с тобою
Выступят дружно готовые к бою...
Слово мое, послужи ты бойцам
Лучше, чем служишь ты слабым рукам!

25 ноября 1896

* * *

Когда умру, на свете запылают
Слова, согретые моим огнем,
И пламень, в них сокрытый, засияет,—
Зажженный в ночь, гореть он будет днем.

И тот придет, о ком я так мечтала,
Чей образ дорог сердцу моему.
«Она тебе огонь свой завещала»,—
Его узнав, так скажут все ему.

Он гордо скажет: «Нет!» — и гордо взгляд подымет,
И гордо прочь пойдет, не посмотрев назад.
Как и всегда, он и теперь не примет
Притворных слов, что люди говорят.

Летите, песни вольные, далеко,
Летите вслед за ним в ночи и днем,
Побудьте с ним в жилище одиноком
И все, как есть, поведайте о нем.

Когда любимый с гордостью былою
И в одиночестве откажется от нас,
Тогда, о песни, пусть в гробу со мною
У сердца моего схоронят вас.

Когда ж с печалью он и с горькими словами
Припомнит прежнюю, забытую любовь,
Тогда, о песни, мы навек простимся с вами,
Расстанемся, а вы к нему летите вновь.

28 декабря 1896

ТОВАРИЦУ

Вы меня вспоминаете ль в вашей тюрьме,
Как я вас вспоминаю больная?
Мы, подобно растениям в тумане и тьме,
Оба вянем, простора не зная.

Ох, судьбы моей тягостен мне произвол,
А приятель меня утешает,
Говорит, что мой случай «не так уж тяжел,
Что с другими похуже бывает».

Хоть советчики искренни — скучны они,—
Их унылые речи напрасны.
Им ли знать, как без солнца убийственны дни,
Как безлунные ночи ужасны!

И вернее болезни, неволи верней
Эта страшная мысль убивает,
Хоть и тешит она, убеждая людей,
«Что с другими похуже бывает».

Если б слезы мы пили из чаш круговых,
Если б чашами меряли горе,
Хоть бы выпили тысячи кубков таких,
Слез осталось бы целое море.

Если б тысячи тысяч сплели мы венков
Для работников слова и дела
И для них не жалели терновых шипов,—
Все же роща б шипов уцелела.

19 января 1897

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА

Не сетуйте, друг, что стихом отвечаю ленивым,
Рифмы, дочери трудных ночей, покидают меня,
Смутной волною размер набегаёт,
О преграду ничтожную вдруг разбиваясь внезапно,—
Не ищите вы в нем понапрасну девятого вала,
Могучей волны, что качается в такт с океанским теченьем.
Раздумье теперь навевает мне Черное море —
Дико, неверно оно, ни закону, ни ладу не знает.
Все играло-шумело вчера
При ясной спокойной погоде,
Сегодня же тихо и ласково шлет к берегам свои волны,
Хоть ветер и гонит неистово тучи седые.
Так вот всегда и лежала б я рядом с живою водою.
Смотрела б, как щедро бросает она жемчуга-самоцветы
На прибрежные камни;
Как тени цветные от туч золотистых
Идут, серебрясь, голубою равниной
И вдруг исчезают;
Как белая пена слегка розовеет,
Как будто красавицы облик стыдливый;

Как горы темнеют, покрытые белою дымкой;
Они так спокойно стоят,—
Ведь их стережет колоннада немых кипарисов,
Высоких и важных.

.

Я только что вновь прочитала
Ваш сильный, как будто бы сталью окованный,
Вооруженный ваш стих.
Чем заплатить я могу вам теперь за него?
Сказку хотя б расскажу, а «мораль» выводите уж сами.

Торной дорогой крутой
Мы поднимались на взгорья Ай Петри.
Вот уж проехали мимо садов виноградных кудрявых,
Что, как прекрасный ковер, все подножье горы
покрывают,

Вот уже лавров, любимых поэтами,
Пышных магнолий не видно,
И ни прямых кипарисов, густо обвитых плющом,
И ни шатрами нависших платанов.
Только встречали мы ветви знакомые белой березы,
Яворов, темных дубов, к непогоде и к бурям
привычных.

Но и они уж остались далеко за нами.
Чертополох, да полынь, да терновник росли у дороги.
Скоро их тоже не стало.

Мел да песок, красноватые, серые камни
Висли над нашей дорогой, бесплодны и голы,
Будто льдины на северном море.
Сухо, нигде ни былинки, всё камни кругом задушили,
Словно глухая тюрьма.
Солнце горячие стрелы на мел осыпает.
Пылью швыряется ветер.
Душно... Ни капли воды... Словно это дорога

в Нирвану,
Страну побеждающей смерти...

Но вот в высоте
На остром, на каменном шпиле блеснуло вдруг что-то,
как пламя,—
Свежий, прекрасный, большой цветок лепестками
раскрылся,
И капли росы самоцветом блестели на дне.

Камень пробил он собой, тот камень, что все победил,
Что задушил и дубы
И терновник упрямый.
Этот цветок по-ученому люди зовут *Saxifraga*,
Нам, поэтам, назвать бы его «ломикамень»
И уваженье воздать ему больше, чем пышному лавру.

Ялта, 1897

МЕЧТЫ

В раннем детстве нас прельщают
Чудеса и необычность.
Я любила в раннем детстве
Были рыцарского века.

Только странно, что не принцы,
Окруженные загадкой,
Не прекрасные принцессы
Разум мой очаровали.

Был мне дорог на картинках
Не надменный победитель,
Что, соперника повергнув,
Грозно требует: «Сдавайся!»

Нет, мой взгляд спускался ниже,
На того, кто, распростертый,
Рыцарским копьем пронзенный,
Говорил: «Убей — не сдамся!»

Не казался мне прекрасным
И отважный пышный рыцарь,
Добывающий оружием
Неприступную красотку.

Очаровывали сердце
Пленниц смелые ответы:
«Можешь ты меня прикончить —
Жить меня ты не заставишь!»

Дорогие годы детства
Пронеслись водой весенней,
Только шум воды весенней
Не забудется вовеки.

Он бессонными ночами
Надо мною раздается,
Так причудливо сплетаясь
С жарким бредом лихорадки.

Потолок над головою —
Как готические своды,
А на окнах — как решетки,
Веток призрачные тени.

Сквозь отверстия решетки
Красноватый свет пробился;
Что там — уличное пламя
Или отблески пожара?

Что шумит, не затихая,
Беспорядочно и глухо?
То в крови шумит горячка
Иль то битва за стенами?

Я сама ли застонала
От внезапной лютой боли,
Или стонет пленник рыцарь,
Изнывающий от раны:

«Эй, откликнись! Кто тут в замке?
Чье живое сердце бьется?
Другом будь, взойди на башню,
Погляди на поле битвы.

Погляди на поле битвы
И скажи: за кем победа?
Все ли вьются над полками
Наши честные знамена?

Если нет — сорву повязки!
Пусть ручьями кровь польется,
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за родину пролитой!

Нет, я слышу наши клики!
Вот они звучат все громче...
Завяжите туже раны!
Жалко кровь терять напрасно!..»

Так ребяческая греза
Бушевала в лихорадке.
А теперь? — Прошла горячка,
Но мечты не исчезают.

Мне не раз еще приснится,
Будто я в плену постылом
И невидимой рукою
Я окована цепями.

Будто верный меч не сломан,
Будто он в руках остался,
Только тяжкие оковы
Не дают рукою двинуть.

А вокруг темно и тихо,
Не шумит горячка в жилах,
И не слышен издалека
Дикий гомон с поля битвы.

Так и хочется мне крикнуть,
Точно рыцарь детской грезы:
«Жив ли кто? Взойди на башню,
Посмотри вокруг далеко!

Посмотри: видны ли в поле
Наши честные знамена?
Если нет, то жить не стоит —
Пусть же мне откроют вены!

Пусть ручьями кровь польется,
Пусть умру я тут, на камнях.
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за честный стяг пролитой!»

Ялта, 18 ноября 1897

ЗИМНЯЯ ВЕСНА

Тихо, тепло. Неужели и вправду весна?
Небо порой загорается отблеском ясного лунного света,
Золотом и серебром озаряются тучки;
Только прозрачная тучка окутает месяц —
Сразу он в ней засияет, как радуги отсвет далекий,

* * *

Говорят частенько: «Звезды
На земле всего прекрасней».
Думает ли кто при этом,
Что есть где-то звезды краше?
Поздней ночью, в сонных грезах,
Прочь от мира мы несемся,
Кто летит в провал бездонный,
Кто в заоблачные выси,
Кто извечный хаос видит,
Кто среди созвездий кружит.
Но едва лишь солнце встанет,
Все исчезнет: хаос, звезды,
Станет ровно, ясно, бело,
Словно в чистенькой тетрадке
Школьника, что всех прилежней.
Но живут на белом свете
Хмурые, чудные люди,
Видящие и при солнце
Звезды — звезд небесных краше
И мрачнее ада хаос.
Люди те не знают света,—
Как там ровно, ясно, бело.
Жизнь тех чудаков похожа
На отдельные страницы,
Где написаны поэмы
Сумасшедшего поэта.

18 июля 1900

* * *

Талого снега платочки раскиданы...
Реденький дождик да неба свинец,
В робкой траве первоцветы чуть видные,
Это весна, это счастья венец!

Небо глубокое, солнце лучистое,
Пурпур и золото вялых ветвей,
Поздние розы, все в росах, душистые —
Осени вестники... Может, моей?

Что ж, не страшусь я прихода осеннего,
Радует душного лета конец;
Лишь не напомнили б часа весеннего
Реденький дождик да неба свинец.

11 августа 1900

* * *

Вы, слова мои громкие, где вы теперь,
Что без вас мне немая печаль?
Разбежались вы звонкой весенней водой
По оврагам, по рощам, по балкам.
Что не встанете вы, как морские валы,
И отважно не крикнете в небо,
Не заглушите грусти прибором своим,
Не развеете горькой печали моей
Сильным, яростным натиском бури?
Я не затем, слова, растила вас
И кровью сердца своего поила,
Чтоб вы лились, как вялая отравы,
И разъедали души, словно ржа.
Лучом прозрачным, буйными волнами,
Звездой летучей искрой быстройлетной,
Сияньем молний, острыми мечами
Хотела б я вас вырастить, слова!
Чтоб эхо вы в горах будили, а не стоны,
Чтоб резали — не отравляли сердца,
Чтоб песней были вы, а не стенаньем.
Сражайте, режьте, даже убивайте,
Не будьте только дождиком осенним.
Сжигать, гореть должны вы, а не тлеть!

26 августа 1900

* * *

Тебя, как плющ, держать в своих объятьях,
Укрыв от света, хочется порою;
Не собираюсь жизнь твою отнять я,
Как плющ руину, я тебя укрою.

Обняв ее, он жизнь ей возвращает,
Хранит от непогоды камень голый,
Но и руина тоже охраняет
Товарища, чтоб не упал он долу.

Им хорошо вдвоем, как нам с тобою,
Ко час придет рассыпаться руине,
И плющ она укроет под собою...
Зачем он нужен здесь один, в долине?

Ужель затем, чтобы, томясь в разлуке,
Упасть измятым, раненным, без силы
Иль к тополию прижаться в тяжелой муке
И для него страшнее быть могилы?

16 ноября(?) 1900

* * *

Уплыть бы мне хотелось по теченью
Офелией, украшенной цветами.
Мои бы песни плыли вслед за мной,
Как и вода спокойная, качаясь,
Все дальше, дальше...

Легкими волнами
Меня б вода укрыла понемногу
И как ребенка бы запеленала,
Качала бы, как нежное мечтанье,
Так тихо, тихо...

Я ж, совсем покорна,
Дала б нести себя и убаюкать,
Плыла бы с тихой, еле слышной песней
И опускалась в голубую воду
Все глубже, глубже...

А потом остался б
Лишь только отзвук на волнах чуть слышный
Моих напевов, как воспоминанье
Баллады старой и давно забытой,
Как смутный сон, печальный и кровавый.
Да как припомнить? Песня та звучала
Давно, давно...

Потом и звук исчез бы,
И на воде бы колыхались только
Мои цветы, что не пошли со мною
На дно реки. Они бы плыли дальше,
Пока в залив спокойный не прибились,
У лилий белых водяных не встали б,
Склонились бы над сонною водою

Плакучие березовые ветви,
И там в затишье ветер бы не веял;
На лилии спускался б только с неба
И на цветы, что я рвала в безумье,
Покой, покой...

3 декабря 1900

* * *

Ой, как будто не печалюсь, все же я не рада,
Что-то смутно-неприятно, на сердце досада.

Я откину ту досаду прочь на бездорожье,
А она взошла, красуясь, словно мак над рожью;

А я мак тот посрываю да сплету веночек,
Кину красный тот веночек в быстрый ручеечек:

Плыви, плыви, мой веночек, до самого моря,
Если буря не утопит, не избуду горя.

Ой, не утопила буря красный тот веночек,
От него ж волна морская покраснела очень.

Горька вода в синем море, горько ее пить;
Как бы мне свою досаду в море утопить?

Буржут, 20 августа 1901

* * *

Острым блеском вдруг волны заискрились
После бури в прозрачную ночь,
Будто войско мечами булатными
Хочет снять вражьи головы прочь.

Блеск оружия, рокот раскатистый...
Будто встал возмущенный народ,
Будто сила народа могучая
Непреклонно на приступ идет.

Каждый меч — луч светила небесного,—
Вниз упав, снова блещет во мгле,
Каждый звук — отзвук силы бунтующей,
Изменяющей жизнь на земле,

Море, море, людское, народное,
Из чего ж ты оружие скуешь?
Что же будет, что станет на пустоши,
Вместо мира что ты разобьешь?..

8 ноября 1902, *San Remo*.

ДЫМ

«И дым отечества нам сладок и приятен»,—
Землею итальянской проезжая,
Я мысленно все время повторяла
Знакомые слова, и мне казалось,
Что вижу я далекие селенья:
Идут и песню девушки поют,
Хозяйки хлопотливые встречают
Своих коров и пастушка с отарой,
Хозяева, не прибавляя шагу,
Степенно возвращаются с работы,
Тайком поглядывают на дымок,
Что вьется над трубою невысокой,
И думают: «Ну, вот уже и ужин...»
Мне виделась росистые луга
Волынские: вдали чернеет лес
Зубчатую стеной, и нависает
Над ним туман безмолвным, серым морем.
Эй, вы, в лесу иль в поле, берегитесь
То вероломно движется трясушка!
Но не страшит поехавших в ночное
Туман в лесу, где манит их дымок:
Там развели товарищи костер,
Там сухо и тепло, роятся искры,
Как золотые пчелы, пляшет пламя...
«Скорее — на дымок!..»

А я смотрела
На итальянские бездымные селенья
(Огня так мало нужно для «поленты»)

И на поля, на страшные «ризаца» ¹,
Где невидимкой реет малярия,
Ни дыма не боясь и ни огня,—
И в каждом стуке мчащихся вагонов
Одно мне слово чудилось: «Чужбина».
Туннель! И дым влетел ко мне в окно
Прогорклой тучей,— нехороший дым.
Иль нехорош был уголь итальянский?
Так не душил и дым в курной избе
В моем Полесье... Как там славно пели
На свадьбе дружки,— хата вся звенела,
Был чистым звон, без хрипоты, хотя
Едва виднелись лица в туче дыма;
Тот горький дым нам выедал глаза.
А все ж не так, как этот: потому ли,
Что он древесный был — и наш, родной?
...«Samplierdarena!» ² Слава тебе, боже!
Уж скоро Генуя, а там и отдых,
И море, и веселый небосклон,
И древний город гордой красоты
Отважного свободного народа...
«Вот Генуя»,— куда-то вдаль рукою
Показывает старый господин.
А я смотрю — не вижу: мгла закрыла.
«Скажите, сударь, часто ль тянет с моря
Такой туман?» — я задаю вопрос.
«Туман? То вовсе не туман, а дым.
Он здесь всегда. Да поглядите сами!»
И вправду: там, у пристани громадной,
Во мгле седой похожеие на мачты,
Вздымились трубы тонкие,— и сколько
Их было! Целый лес! «Да, здесь растет
Богатство наше!» — важно молвил спутник,
Но не были хрустальны окна фабрик.
Из окон то богатство не сияло,
Там, в окнах, что-то темное гнездилось...
Я вспомнила тогда приморский город.
Не итальянский, а другой, и третий,
Четвертый,— у иных родных морей,
И город не у моря — у реки
Стремительной, гудящей на порогах,

¹ Рисовые поля (и тал.).

² Сампьердарена — последняя станция перед Генуей. (Прим. Леси Украинки.)

Как рейнская скала, где гул воды
Какие-то колеса заглушают...
А там — и села, даль полей кудрявых
От свекловицы... И повсюду трубы
Высокие-высокие, как сосны
На горных кручах — разве что без веток...
Мы въехали в предместье. Там стояли
Задымленные, черные дома,
Угрюмо сторбившись. К печальным окнам
Белье приникло, как сама нужда:
Не выгнать,— хоть в окно гони, хоть в дверь.
Выглядывали призраки из окон —
Невольничьи, измученные лица,
И плыл над ними дым, легчайший дым:
Не душит он, глаза не выедает,
А только небо прячет от людей.
И солнышко у них крадет, и пьет
Людскую кровь, и гасит свет в глазах,
И все цвета из-за него седеют.
Никто его не видит, но всегда,
И днем и ночью, каждое мгновенье,
Отчетливо, хоть скрытно и беззвучно,
Он говорит: «Я здесь, всегда я здесь».
Тот итальянский дым проник мне в сердце,
И дрогнуло оно, и онемело,
И больше не твердило мне: «Чужбина».

21 января 1903, *San Remo*

* * *

Мечта, не предай! По тебе я так долго тужила,
Столько безрадостных дней, столько бессонных ночей...
А теперь на тебя всю надежду свою возложила.
О, не угасни ты, светоч бессонных очей!

Мечта, не предай! Ты лила свои чары так долго,—
Жадное сердце мое насыщено ими до дна.
Обольщенья пустые меня от тебя не отторгнут,
Мне ни горе, ни мука, ни смерть не страшна.

Ради тебя от других отреклась я мечтаний,
Уж не мечту — ныне жизнь я свою отдаю.
Пробил час, и, пылая, душа поднимает восстанье,
Не сверну я с пути, на котором стою.

Жизнь за жизнь! Только так! Пусть мечта моя станет
живою!

Слово оденется в плоть, если живое оно.
Кто моря переплыл и сжег корабли за собою,—
Обновленным вернуться тому суждено.

Раньше, мечта, ты парила орлом надо мною,
Буду сама я летать, мне свои крылья отдай,
Я хочу пламенеть, я хочу жить твоею весною,
А придется погибнуть за это — пускай!

3 августа 1905

* * *

Холодной ночью брошенный костер
Нашел однажды путник одинокий.
Вокруг чернел непроходимый бор,
При лунном свете полосой широкой
Зола белела. Хворост, щепки, сор
Торчали в ней, и кучкою убогой
Дрова лежали. Видно, кто-то здесь
Залил костер, но он сгорел не весь,

И путник осторожными руками
Потухший пепел начал шевелить.
Вот искорка мелькнула под ногами.
Он, раздувая, стал ее ловить,
Зола затлела звездами, но пламя
Не удалось дыханьем оживить,
И, потрудившись без толку, прохожий
Ушел ни с чем, унылый и продрогший.

Но искра не угасла под золой
И до рассвета, как живая рана,
Язвила мрак холодный и сырой,
И жар больной чуть тлел среди тумана.
Лишь на заре сквозь тонкий дым струей
Пробилось пламя, ярко и багряно.
Когда же солнце встало поутру,
Огонь, как зверь, свирепствовал в бору.

1906, июнь(?)

СОН

Солнышко греет... Это Египет?
Это Египет... Синий шатер
Неба высокого полон сиянья.
Вись-то какая! — Вольно и радостно.
Это Египет...

Тихая ласка... Ты, Украина?
Да, Украина это моя...
Хата и садик, лужайки зеленые,
Пруд за ольхою, затянутый ряскою...
Вот — Украина...

Хватит скитаться... довольно блужданий...
Жизнь станет светлой... Край мой родной,
Вместе со мною от мук ты избавился.
Небо не плачет, и люди не хмурятся.
Спать бы и видеть всегда этот сон...
Жизнь станет светлой...

7 апреля 1910

ЭПИЛОГ

Кто не жил средь буйства бури,
Тот не знал цены и силе,
Тот не знал, как вечно люди
И борьбу и труд любили.

Кто не жил средь буйства бури,
Тот не ведал и веселья,
Тот не знал и горькой муки
Обреченных на безделье.

Как я завистью горела
К людям, преданным боренью,
До поры, пока усталость
Их сражала на мгновенье.

День и ночь они на вахте,
Долог труд, а смена кратка,
День и ночь они в работе
Силы тратят без остатка,

Верно, им тогда казалось,
Что страшней не сыщешь муки...
Ох, борцы, когда б вы знали,
Как томят в бессилье руки!

Как лежать в постели тяжко
Скорбным пасынком недоли,
Положась на милость бури,
На чужой талант и волю.

Чем же тешиться такому?
Только думою своею...
Вы, борцы, ее примите.
Это все, что я имею.

*15—21 января 1911,
Черное море, близ Анатолии*

*
* * *

Кто вам сказал, что я хрупка,
Что с долей не боролась?
Дрожит ли у меня рука?
И разве слаб мой голос?

А если были в нем слышны
И жалобы и пени,
То это бурный плеск весны,
Не мелкий дождь осенний.

А если осень... Не беда,
Цветет ли кто иль вянет.
Увянув, ива у пруда
Злато-багряной станет.

Когда же саваном зима
Накроет лес раздетый,
Цветам на гроб она сама
Рассыплет самоцветы.

Что ж, буду жить я, как живет
Волна в часы покоя —
Как будто спит поверхность вод,
Но море ждет прибой.

Перед Босфором, 21 января 1911

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Мой путь. Перевод П. Карабана	3
Contra spem spero! Перевод Н. Ушакова	4
«Когда я утомлюсь привычной жизнью...» Перевод П. Карабана	5
Слезы-перлы. Перевод Н. Заболоцкого	
I. «О милая родина! Край мой желанный!...»	7
II. «В слезах я стою пред тобой, Украина...»	8
III. «Все наши слезы мукой огневою...»	8
Предрасветные огни. Перевод В. Звягинцевой	9
«Я песню стать бы хотела...» Перевод В. Звягинцевой	10
«В ненастную тучу кручина моя собралась...» Перевод М. Комиссаровой	10
«И все-таки к тебе лишь мысль стремится...» Перевод В. Звягинцевой	11
Товарищам. Перевод Н. Ушакова	11
Другу на память. Перевод Н. Ушакова	12
«Слово, зачем ты не стала боевая...» Перевод М. Комиссаровой	14
«Когда умру, на свете запылают...» Перевод Н. Брауна	15
Товарищу. Перевод Н. Ушакова	15
Отрывки из письма. Перевод Н. Брауна	16
Мечты. Перевод М. Алигер	18
Зимняя весна. Перевод Ал. Дейча	20
«Говорят частенько: «Звезды...» Перевод И. Воробьевой	22
«Талого снега платочки раскиданы...» Перевод В. Звягинцевой	22
«Вы, слова мои громкие, где вы теперь...» Перевод Н. Брауна	23
«Тебя, как плющ, держат в своих объятьях...» Перевод М. Сан-домирского	23
«Уплыть бы мне хотелось по течению...» Перевод Н. Брауна	24
«Ой, как будто не печалюсь, все же я не рада...» Перевод А. Прокофьева	25
«Острым блеском вдруг волны заискрились...» Перевод В. Звягинцевой	25
Дым. Перевод С. Липкина	26
«Мечта, не предай! По тебе я так долго тужила...» Перевод А. Островского	28
«Холодной ночью брошенный костер...» Перевод Н. Заболоцкого	29
Сон. Перевод Н. Ушакова	30
Эпиграф («Кто не жил средь буйства бури...») Перевод Н. Славинской	30
«Кто вам сказал, что я хрупка...» Перевод С. Маршака	31

Леся Украинна
НА КРЫЛЬЯХ ПЕСЕН

Редактор и составитель **А. И. ДЕЯЧ.**

Технический редактор **Я. М. Борисов.**

Сдано в набор 3/II 1971 г. А 00514. Подписано к печати 8/II 1971 г.
Формат бум. 70×108^{1/2}. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,64 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 427. Зак. № 40.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

**ПРИБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!**

В нашей стране ежегодно издается громадное количество книг самого различного содержания. Только в Российской Федерации в прошлом году было выпущено 47 130 книг и брошюр общим тиражом 1 миллиард 5 миллионов 184 тысячи экземпляров.

● Довести это колоссальное книжное богатство до широких слоев городского и сельского населения возможно лишь при активном участии общественности и самих книголюбов. Хорошей формой массового вовлечения их в эту работу служит книжная лотерея, проводимая Комитетом по печати при Совете Министров РСФСР с марта 1965 года.

● Книжная лотерея проводится исключительно в интересах советских читателей. Ее отличительная особенность состоит в том, что она постоянно действующая. В соответствии с утвержденным положением ежегодно проводится по 4 выпуска лотереи, общая сумма которых составляет 20 миллионов рублей. Для этого изготавливается 80 миллионов лотерейных билетов достоинством в 25 копеек.

● В каждом выпуске 6 миллионов 900 тысяч выигрышей на 4,5 миллиона рублей: выигрыши в 50 копеек, 1 рубль, 3 рубля и 5 рублей. Общая сумма выигрышей составляет 90 процентов к стоимости всех реализованных билетов.

● Вторая, не менее важная особенность книжной лотереи состоит в том, что у нее нет тиражей. Выигрыши заранее заложены в опечатанном билете. Каждый обладатель «счастливого билета» может отоварить его на месте, или в любом другом книжном магазине, или в киоске в течение всего срока действия данного лотерейного билета. Иными словами, читателю предоставлено право самому выбрать любую книгу или, скажем, эстамп, альбом для марок или набор художественных открыток.

ТОВАРИЩИ! ПРИБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!